

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.2>

Амосова Наталья Владимировна, Крехалева Мария Игоревна

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО "Я" В ПРОИЗВЕДЕНИИ Г. РЕВАЛЬДТА
"ENTR. TSELTES RUSSLAND"**

В статье ставится задача проанализировать способы эксплицитного выражения авторского "Я" в произведении писателя-мигранта с Русского Севера Г. Ревальдта. Обосновывается необходимость изучения рассматриваемой категории на стыке литературоведения, языкознания и переводоведения. В ходе исследования выявлено, что значительное место в реализации изучаемой категории принадлежит личным местоимениям, которые могут выступать также в связке с модальными глаголами и частицами, вводными и вставными конструкциями. Анализ произведения доказал высокую степень субъективности автора при описании событий, его желание навязать свое мнение немецкоязычному читателю.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 11-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. **Leiss E.** Lexikalische versus grammatische Epistemizität und Evidentialität: Plädoyer für eine klare Trennung von Lexikon und Grammatik // Modalität und Evidentialität / hrsg. von G. Diewald, E. Smirnova. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2011. S. 149-169.
10. **Öhlschläger G.** Zur Syntax und Semantik der Modalverben des Deutschen. Tübingen: Niemeyer Verlag, 1989. 270 S.

DEPENDENCE OF THE SEMANTICS OF THE GERMAN LANGUAGE MODAL VERBS ON CONTEXTUAL ENVIRONMENT

Averina Anna Viktorovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Moscow Region State University
av.averina@mgou.ru

The article discusses the dependence of the semantics of the German language modal verbs on contextual environment. It is shown that modal verbs are more often used in the primary (deontic or volitional) meaning. A secondary meaning occurs when modal verbs are combined with non-terminative predicates, or if modal words or particles are used in a sentence. Modal predicates may not have modal meaning. Such cases occur when they are compatible with verbs denoting natural phenomena and emotional state. The non-modal meanings of modal verbs are in the realm of the aspectual and temporal semantic zone.

Key words and phrases: modal verbs; aspectuality; temporality; epistemic semantics; deontic meaning; volition; phaseness.

УДК 811.1/8

Дата поступления рукописи: 09.10.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.2>

В статье ставится задача проанализировать способы эксплицитного выражения авторского «Я» в произведении писателя-мигранта с Русского Севера Г. Ревальдта. Обосновывается необходимость изучения рассматриваемой категории на стыке литературоведения, языкознания и переводоведения. В ходе исследования выявлено, что значительное место в реализации изучаемой категории принадлежит личным местоимениям, которые могут выступать также в связке с модальными глаголами и частицами, вводными и вставными конструкциями. Анализ произведения доказал высокую степень субъективности автора при описании событий, его желание навязать свое мнение немецкоязычному читателю.

Ключевые слова и фразы: писатель-эмигрант; авторское «я»; образ автора; субъективная модальность; вводные слова; немецкий язык.

Амосова Наталья Владимировна, к. филол. н.

Крехалева Мария Игоревна

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск
n.amosova@narfu.ru; krekhalleva@mail.ru

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО «Я» В ПРОИЗВЕДЕНИИ Г. РЕВАЛЬДТА «ENTRÄTSELTES RUSSLAND»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Архангельской области, проект № 17-14-29002.

Антропоцентрическая направленность современной науки, указывающая на «субъектность любого высказывания средствами языка, т.е. его принадлежность некому субъекту речи» [1, с. 311], объясняет актуальность исследования авторского «Я» при рассмотрении как публицистического, так и художественного произведения. Целью нашей статьи является анализ эксплицитных способов выражения авторского «Я» на материале книги Г. Ревальдта «Enträtsetles Russland» («Разгаданная Россия») (здесь и далее перевод авторов статьи. – Н. А., М. К.). Обращение к данному произведению не является случайным, а продиктовано развитием лингвострановедения, все возрастающим интересом к изучению Северного текста, а также связанной с этим необходимостью расширения списка персоналий и знакомства читателей с малоизвестными или забытыми авторами. Отсюда в область задач нашего исследования входят: изучение понятия авторского «Я» в литературоведении и языкознании; рассмотрение фактов биографии писателя, релевантных для понимания произведения; выявление эксплицитных способов выражения авторского «Я»; определение выполняемых ими функций.

Научная новизна предпринятого исследования заключается в подходе к тексту произведения с учетом имагологического аспекта, что позволяет рассматривать все элементы произведения через призму авторского сознания [7, с. 172], характеризуя при этом и самого писателя, т.е. его мировоззрение, систему ценностей и гражданскую позицию.

Предмет рассмотрения данной статьи – авторское «Я», понятие, которое обладает междисциплинарным характером. Так, в литературоведении широкое распространение получил термин «образ автора», введенный советским лингвистом В. В. Виноградовым, который в основном применяется в связи с интерпретацией художественных произведений: «Образ автора – концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем, рассказчиком

или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [4, с. 118]. Образ автора, являющийся одним из компонентов субъектной организации текста, возникает в литературном произведении посредством речевых средств и в то же время создается читателем при восприятии мыслей автора [8, с. 128].

В стилистике долгое время в основном рассматривалась эгоцентрическая позиция автора, тогда как существование реципиента зачастую игнорировалось [11, S. 7]. Однако присутствие авторского «Я» в произведении всегда является мотивированным и предполагает обращенность к читателю, воздействие на его сознание [9, с. 203]. Действительно, в тексте отражаются события, вызывающие у его автора различные оценочные реакции и носящие суггестивный характер, что заставляет читателей задуматься над концепцией мира писателя. В результате у реципиента формируется отличная или схожая с авторской точка зрения относительно поставленных в тексте вопросов [2, с. 159].

При переводе художественных произведений также следует учитывать тот факт, что эмоции, образы и восприятие читателем произведения в целом на языке оригинала и языке перевода должны совпадать. Переводчику необходимо создать произведение, максимально приближенное по идейному замыслу автора к тексту на языке оригинала, поэтому в переводоведении раскрытие авторской позиции также играет ключевую роль.

Таким образом, не случайно литературоведы, специалисты в области языка и перевода занимаются анализом способов выражения авторского «Я» в тексте, что позволяет выявить цели, которые преследовал писатель при создании произведения, степень его субъективности и даже личностные качества.

Немецкоязычное литературное творчество писателей-эмигрантов родом из России в течение длительного времени находилось под запретом. Относительно недавно к нему возник особый интерес со стороны филологов, занимающихся изучением особенностей творчества русских писателей-эмигрантов 30-40-х гг. XX века за рубежом, в частности, в Германии [6, с. 334]. Так, например, их писательской деятельности посвящен ряд научных исследований, опубликованных в книге “Russische Emigration in Deutschland, 1918 bis 1941” («Русская эмиграция в Германии, 1918-1941») [13]. Однако изучение творческого наследия писателей-эмигрантов с Русского Севера практически не проводилось. Связано это, с одной стороны, с отсутствием переводов их книг на русский язык, а с другой стороны – с самим содержанием, выбором тем в романах, очерках, записках. Работая над созданием художественных произведений, каждое из которых несет в себе огромную смысловую нагрузку, писатели создавали портрет прошедшей эпохи, России и советского образа жизни, правда, очень субъективный, как, например, в произведениях Германна Ревальдта.

Г. Ревальдт (1876-1972) – немецкий писатель, журналист, а также устный и письменный переводчик. Он родился и вырос в России, в Архангельске, в семье немецкого подданного. Мать Германа была русской, родом из Прибалтики. Отец являлся владельцем лесопильного завода в Архангельске. Его семья имела немецкое гражданство, однако дома всегда говорили по-русски, поэтому Г. Ревальдт овладел русским и немецким языками практически в равной степени. Он отзывался о русском языке следующим образом: “Es ist sozusagen meine zweite Muttersprache” [11, S. 9]. / «Это мой второй родной язык, если можно так выразиться». Как можно увидеть из биографии писателя, его судьба была тесно связана с Российским государством, а позднее – с Советским Союзом. Автор был знаком с его бытом, побывал во многих его частях, одинаково хорошо владел как немецким, так и русским языком, что позволило ему ознакомиться с шедеврами русской литературы и культуры в оригинале и пообщаться с различными слоями населения. Автор узнал на собственном опыте все тяготы ссылки и плена. Поэтому он считал себя вправе судить об этой стране и ее гражданах.

Все свои мысли и убеждения Г. Ревальдт решил выразить на бумаге, опубликовав в 1955 году книгу под названием “Enträtseltes Russland” («Разгаданная Россия»). Своей целью Г. Ревальдт видел создание “sine ira et studio” («без гнева и пристрастия») [Ibidem, S. 10] наиболее краткой и точной картины России со времен ее возникновения (Древней Руси) вплоть до советского периода. Однако попытка оставаться беспристрастным не увенчалась успехом. В конце февраля 1955 года о произведении кратко написали в немецкой газете “Zeit”, указывая, что в нем нет ничего примечательного кроме предполагаемого «антисемитизма». Авторы издания прямо говорили о высокой степени субъективности произведения и даже насмешливо предложили назвать книгу “Enträtseltes Pinning” («Разгаданный Пиннинг»), так как в ней раскрывается не Россия, как изначально задумывал Г. Ревальдт, а именно его авторское отношение, взгляды, мысли, суждения [10].

В анализируемом произведении одним из способов донести до читателя свои мысли, свое понимание исторических событий и действительности являются личные местоимения. Они применяются для создания особого типа повествования, поясняющего читателям, чем обусловлен выбор той или иной ситуации. С их помощью автор передает свое видение поставленной в тексте проблемы, предлагает возможные способы ее решения и, в конечном итоге, устанавливает диалог с читателем, превращая его в соавтора [3, с. 130]. Кроме того, посредством личных местоимений Г. Ревальдт описывает ситуацию, представляя себя в разных ролях: читателя, бывшего жителя Российского государства, учащегося, служащего, пленного.

Используя местоимение первого лица единственного числа “**ich**”, автор высказывания акцентирует свою личную позицию:

“**Ich** glaube, dazu berechtigt zu sein auf Grund dessen, dass **ich** Russland und die Sowjetunion wirklich kenne” [11, S. 9]. /

«**Я** считаю, что имею на это право на основе того, что **я** действительно знаю Россию и Советский Союз».

“**Ich** glaube, dass **ich** den Russen kenne” [Ibidem, S. 238]. /

«**Я** считаю, что знаю русских».

Как видно из представленных примеров, личные местоимения зачастую подкрепляются глаголами ментального действия, к примеру, “glauben” (полагать), “vermuten” (предполагать), “meinen” (думать), “denken” (думать) и т.д., которые еще раз подчеркивают личное мнение писателя, его убежденность, уверенность и желание убедить читателя в правильности понимания описываемой им ситуации или события. Кроме того, они способствуют созданию доверительной атмосферы в диалоге с читателем. «Данное местоимение имеет разнонаправленные функции и используется как для субъективации текста, так и с целью увеличить доверие к сообщаемым сведениям, т.е. для подтверждения его объективности» [5, с. 7].

Для усиления и отсылки к личному опыту автором может добавляться наречие “persönlich” (лично), которое в данном контексте целесообразно переводить определительным местоимением «сам»:

“**Ich persönlich** habe noch die steinzeitlichen (nicht übertrieben! Es war so!) Pflüge erlebt, die in manchen Dörfern im Gebrauch waren” [11, S. 186]. /

«**Я сам** еще застал плуги каменного века (без преувеличений! Это было так!), которые использовались в некоторых деревнях».

В данном примере авторское «Я» находит выражение не только в употреблении личного местоимения, но и поддерживается вставной конструкцией в форме восклицательного предложения. Вставки такого рода подчеркивают эмоциональность автора, передают его возмущение, восторг или даже сарказм, привлекая особое внимание читателей:

“Ich begegnete in einem Gefängnis einem jungen sowjetischen Soldaten, der drei Jahre (**äußerst billig!**) bekommen hatte, weil er über die Lebensbedingungen in Deutschland und Frankreich, wo er als Arbeitsverpflichteter gewesen war, berichtete” [Ibidem, S. 232]. /

«Я встретил в тюрьме молодого советского солдата, который получил три года (**легко отделался!**), потому что он сообщил об условиях жизни в Германии и Франции, где он был наемным рабочим».

При помощи личного местоимения “**wir**” (мы) автор отождествляет себя как с читателями, так и с теми, о ком он пишет в своем произведении, кого он упоминает в своем рассказе. «Личное местоимение 1 л. мн. ч. используется, чтобы звучать более скромно, менее категорично» [5, с. 8]. При этом ожидается, что у читателей употребление данного местоимения вызовет чувство доверия к автору и к его мнению:

“**Wir** werden sie unten noch kurz betrachten, wenn **wir uns** der Nationalitätenpolitik des Zarenrusslands und der Sowjetunion zuwenden” [11, S. 42]. /

«**Мы** еще кратко рассмотрим их ниже, когда обратимся к национальной политике царской России и Советского Союза».

“**Wir Plenny** waren oft genug Zeugen solcher spontanen physiologischen Vorgänge” [Ibidem, S. 248]. /

«**Мы, пленные**, часто были свидетелями таких спонтанных физиологических процессов».

Интересным является то, что автор также отождествляет себя с немецкой армией Третьего Рейха и тем самым подчеркивает свою принадлежность к национал-социалистическому режиму:

“Die Georgier stellten einen bedeutenden Prozentsatz der landeseigenen Freiwilligen in **unserer** Wehrmacht” [Ibidem, S. 55]. /

«Грузины составляли значительный процент государственных добровольцев в **нашем** Вермахте».

“Ihre Sympathien waren schon deshalb nicht auf **unserer** Seite, weil sie befürchteten, dass **wir** mit den Osmanen verbündet wären und dass diese nach **unserem** Siege Armenien für sich beanspruchen würden” [Ibidem, S. 56]. /

«Их симпатии уже потому были не на **нашей** стороне, что они опасались, что **мы** бы заключили союз с турками-османами и что они после **нашей** победы претендовали бы на Армению».

“Aber **wir** wollten die Ukraina als Siedlungsland für **unsere** SS-Wehrbauern haben” [Ibidem, S. 69]. /

«Но **мы** хотели использовать Украину в качестве территории поселения для **наших** солдат-крестьян СС».

Для выражения авторского «Я» могут использоваться падежные формы личных местоимений, а также притяжательные местоимения, которые зачастую требуют от читателя знания биографии автора, к примеру, о годах его жизни:

“Zu **meiner** Zeit wurde die Pflugschar wenigstens mit Büchsenblech beschlagen” [Ibidem, S. 186]. /

«В **мое** время лемех плуга был, по меньшей мере, подкован жостью».

Наивысшая степень выражения авторской позиции напрямую связана с типом повествования от первого лица. Для автобиографических произведений характерно повествование в форме «я», сочетающее в себе и действующее лицо, и повествователя. В таком случае все сопутствующие социальные и характерологические особенности повествователя представлены наиболее ярко. Форма «я» порождает различные вводные слова, оговорки, скобки, так как рассказ ведется напрямую от автора. Персональный автор-повествователь зачастую создает крайне детализированное описание, заостряя внимание читателей на подробностях [3, с. 100]. На основе приведенных примеров можно сделать вывод о высокой степени авторской индивидуальности в тексте произведения. Г. Ревальдт ведет повествование от первого лица, открыто высказывая свое мнение в отношении какого-либо вопроса, или же олицетворяет себя как «одного из», к примеру, пленных.

В тексте произведения автор пытается создать доверительную атмосферу, напрямую апеллирует к немецкоязычному читателю, используя личное местоимение третьего лица “**Sie**” (Вы) (уважительная форма):

“Aber betreiben **Sie** einmal sachdienliche Hygiene bei einem nahezu Zweihundertmillionenvolk, das in seiner Mehrheit erblich keinen allzugroßen Hang zur Reinlichkeit besitzt und überdies gewohnt ist, zwanzigmal am Tage Wasser zu trinken, nicht abgekochtes Wasser natürlich, denn abgekochtes schmeckt nicht” [11, S. 158]. /

«Но **Вы** только попробуйте ввести надлежащую гигиену для почти двухсот миллионов человек, которые в большинстве своем наследственно не испытывают большой склонности к чистоте и кроме того привыкли двадцать раз на дню пить воду, конечно некипяченую, ведь кипяченая вода невкусная».

Помимо обращения на Вы встречаются в тексте и фразы-клише, характерные больше для устной речи, чем для печатного текста.

“Sehen **Sie**, ich war im Kriegsgefangenenlager im europäischen Bereich der SU, da hatte ich die Auswahl unter Material und Menschen” [Ibidem]. /

«**Понимаете**, я был в лагере для военнопленных в европейской части Советского Союза, где у меня был выбор среди материала и людей».

Различная степень уверенности автора, его оценка описываемых событий выражается в тексте с помощью модальных слов “vermutlich” (предположительно), “vielleicht” (возможно), “möglicherweise” (возможно), “genau” (точно), “unbedingt” (обязательно), “sicher” (с уверенностью), “zweifellos” (без сомнения), вводно-модальных конструкций “es ist nicht ausgeschlossen” (не исключено), “es ist ohne Zweifel” (несомненно), “es ist klar” (ясно), “es ist kein Wunder” (неудивительно) и модальных глаголов. Последние наряду со своими основными значениями возможности, желательности, волеизъявления могут подчеркивать различные оттенки предположения и сомнения. При этом модальные глаголы “müssen” (долженствовать) и “dürfen” (мочь) (мочь) преимущественно в форме сослагательного наклонения) выражают модальный оттенок предположения, граничащий с модальностью уверенности:

“Zu Ehren der Russen **muss** gesagt werden, dass diese friedliche Durchdringung der Syjjänenländer wirklich friedlich war...” [Ibidem, S. 28]. /

«К чести русских **нужно** сказать, что это мирное проникновение в земли зырян было действительно мирным...».

“Kaganowitsch, der Repräsentant des Ostjudentums in der Regierung, **dürfte** die gleichen Eigenschaften, vielleicht völkisch etwas abgewandelt, besitzen” [Ibidem, S. 192]. /

«Каганович, представитель восточного иудаизма в правительстве, **мог бы** иметь такие же качества, возможно, несколько измененные национально».

Модальные частицы помогают понять цели и намерения автора, придают высказыванию большую эмоциональность. Как видно из примеров, они служат проявлению неуверенности или сарказма автора:

“Diese Dorfversammlung war **wohl** so ein Überbleibsel des alten ‘wetsche’...” [Ibidem, S. 183]. /

«Этот сход общины был, **вероятно**, пережитком старого “вече”...».

“...höchstens um ein paar Eimer Schnaps. **Jawohl**, Eimer, der Schnaps im alten Russland wurde nach Eimern gemessen” [Ibidem]. /

«... в крайнем случае за пару ведер водки. **Совершенно верно**, ведер, водка на Руси измерялась ведрами».

Напомним, что произведение “Enträtseltes Russland” создавалось для немецкоязычных читателей. Для получения ими наиболее полного представления об описываемом предмете или ситуации Г. Ревальдтом довольно часто используются различного рода вставки, вводные конструкции, поясняющие и уточняющие текст.

“Wenn er kein Trinker war – **und Trunk ist ebenso ein ukrainisches wie ein weißrussisches und ein russisches Nationallaster** –, so war er, wie gesagt, reich...” [Ibidem, S. 184]. /

«Если он не был пьяницей – **а пьянство было не только белорусским и русским, но также и украинским национальным пороком** – он был, как уже говорилось, богатым...».

Примечательно, что в некоторых вставках автор ссылается на какие-либо источники или, как видно из примера, язвительно отзывается об описываемом предмете. Из отдельных суждений о стране, о самых различных ее сферах жизни Г. Ревальдт формирует общую картину, которую считает «разгаданной» Россией, и в своем произведении делится впечатлениями с читателем. Но возможно ли вообще «разгадать» какую-либо страну, даже прожив в ней целую жизнь, и дать ей при этом объективную оценку?

Таким образом, анализ работ, посвященных авторскому «Я», показал, что данная категория является в условиях современной научной парадигмы предметом изучения не только литературоведения, но и языкознания, поэтому при её рассмотрении следует руководствоваться комплексным подходом.

Проведенное исследование доказывает, что в книге Г. Ревальдта авторское «Я» представляется смысловым центром повествования, так как автор сосредоточился исключительно на собственной точке зрения. Данный факт объясняет высокую степень субъективности представленной информации.

В ходе исследования было установлено, что в произведении “Enträtseltes Russland” представлены различные способы эксплицитного проявления авторского «Я», при этом преобладает использование автором личных местоимений, которые выступают в сочетании с глаголами ментального действия, модальными глаголами и частицами. Значительная роль отводится в тексте вводным и вставным конструкциям.

Данные способы выражения авторского «Я» выполняют в произведении различные функции. С их помощью писатель подчеркивает свою уверенность в сообщаемой информации, описывает свое понимание той или иной ситуации, отношение к ней, осуществляет прямой контакт с читателем, оказывает воздействие на его сознание и осмысление содержания. Описанные грамматические средства выполняют также ориентационную и информативную функции. Ориентационная функция авторского «Я» в исходном тексте связана со стремлением автора пояснить цели и задачи своей работы. Информативная функция связана с отражением неизвестного для немецкоязычного читателя пласта информации. Г. Ревальдт неоднократно описывает окружающую обстановку, указывая временные рамки событий или их место действия и при этом характеризуя ту или иную часть истории Российского государства и Советского Союза, следовательно, можно говорить о текстообразующей роли авторской позиции.

Правильное декодирование авторского «Я», выявление лексических и грамматических способов его выражения помогает понять замысел художественного произведения и служит таким образом достижению наиболее адекватного перевода исходного текста.

Список источников

1. **Абросимова Н. Г.** Параметры изучения эгоцентризма в современной лингвистике текста (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9 (87). Ч. 2. С. 311-315.
2. **Бочкова О. С.** Модальность как фактор формирования текста // Теория и практика общественного развития. 2007. № 1. С. 159-160.
3. **Брандес М. П., Провоторов В. И.** Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков): учеб. пособие. Изд-е 3-е, стереотип. М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2003. 224 с.
4. **Виноградов В. В.** О теории художественной речи: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1971. 239 с.
5. **Ефремова Д. А.** Функционально-семантические особенности личных местоимений в тексте биографических эссе // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 5-12.
6. **Поликарпов А. М., Поликарпова Е. В.** Специфика документального изображения северного края 30-х годов в переводе романа А. Анзеровой "Am Weißen Meer" // Коммуникативное пространство культуры: материалы Международной научной конференции / отв. ред. А. В. Овсянников, А. Г. Пастухов. Орел: ОГИК, 2017. С. 318-335.
7. **Хомчак Е. Г.** Принципы художественного воплощения авторской позиции в романах И. А. Гончарова // Вестник Запорожского университета. 2004. № 4. С. 172-176.
8. **Чибук А. В.** Средства выражения авторской модальности в публицистических текстах (на материале СМИ Германии) // Вестник Военного университета. 2010. № 4 (24). С. 128-133.
9. **Якимов О. Д., Скрыбыкина Д. А.** Роль авторского «Я» в материалах публицистических жанров // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 11 (54). С. 202-207.
10. <https://www.zeit.de/1955/08/entraetselter-pinning> (дата обращения: 19.05.2018).
11. **Pinning G.** Enträtseltes Russland. München: Hohe Warte, 1955. 255 S.
12. **Riesel E., Schendels E.** Deutsche Stilistik. M.: Verlag Hochschule, 1975. 316 S.
13. **Schlögel K.** Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg / hrsg. von K. Schlögel. Berlin: Akademie Verlag, 1995. 550 S.

WAYS OF EXPRESSING THE AUTHOR'S "I" IN H. REHWALDT'S WORK "ENTRÄTSELTES RUSSLAND"

Amosova Natal'ya Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Krekhaleva Mariya Igorevna

Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Archangelsk
n.amosova@narfu.ru; krekhaleva@mail.ru

The article poses the task of analysing the ways of the explicit expression of the author's "I" in the work of the migrant writer from the Russian North H. Rehwaldt. The necessity of studying the category in question at the intersection of literary studies, linguistics and translation studies is substantiated. The paper reveals that a significant place in the implementation of the category belongs to personal pronouns, which can also appear in conjunction with modal verbs and particles, introductory and expletive constructions. The analysis of the work proves the high degree of the author's subjectivity when describing events, the desire to impose his opinion on the German-speaking reader.

Key words and phrases: migrant writer; author's "I"; author's image; subjective modality; introductory words; German language.

УДК 81'811.11

Дата поступления рукописи: 14.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2019.2.3>

В статье раскрывается понятие «номинативная единица» применительно к лингвистическому обеспечению лингвокультурного сценария. Цель исследования – описать и проанализировать номинативные единицы языкового обеспечения англоязычного лингвокультурного сценария рекламной деятельности. Особое внимание уделяется структуре слов и словосочетаний, отмечается преобладание раздельнооформленных номинативных единиц среди языкового обеспечения анализируемого сценария. Делается вывод, что словосочетания разной степени устойчивости выступают в качестве номинативных единиц чаще, чем отдельные слова.

Ключевые слова и фразы: номинативные единицы; лингвокультурный сценарий; сочетание слов; наименование; лингвистическое обеспечение.

Белякова Ольга Владимировна, к. филол. н., доцент

Александрова Галина Николаевна, к. филол. н.

Никитина Ирина Николаевна, к. филол. н., доцент

Самарский государственный экономический университет
olabel5893@yandex.ru

**НОМИНАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СЦЕНАРИЯ «В РЕКЛАМНОМ АГЕНТСТВЕ»**

Лингвокультура находит свое проявление в повторяющихся ситуациях, характеризующихся стереотипным лингвистическим воплощением [1, с. 66], и состоит из множества лингвокультурных сценариев, которые представляют собой инварианты класса типовых ситуаций национальной культуры и существуют как в составе культуры, так и в фоновых знаниях носителей данного языка [4, с. 109].